

Нина Валентиновна ШТЫКОВА —
доцент кафедры немецкой филологии
факультета романо-германской
филологии,
кандидат филологических наук

УДК 803.0

МОЛЧАНИЕ — ЗОЛОТО? МОЛЧАНИЕ КАК КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается явление молчания как неотъемлемый компонент речевого общения. С учетом ситуативного контекста, включающего в себя факторы межличностных отношений, интенций коммуникантов, прагматических конвенций и пр., выявляются виды коммуникативно значимого молчания и описывается его роль в системе интеракции.

In the article silence is considered as a necessary component of the human speech. Regarding conditions of the situational context, which includes the factors of interpersonal relations, communicator's intentions, pragmatic conventions etc., some types of the communicative relevant silence are explicated and its role in the system of interaction is described.

Говоря об актуальных проблемах современной когнитивной парадигмы, А. В. Бондарко подчеркивает, что при изучении языковой системы в ее связях с когнитивной системой и речемыслительными процессами особое внимание должно уделяться «интенциональным потенциям» языковой системы [1]. В этом плане несомненный интерес представляет такое явление, как молчание. В данной статье мы обратимся к коммуникативно значимому молчанию, оставляя в стороне его некоммуникативные виды, как то: молчание при отсутствии других коммуникантов; молчание, обусловленное запретом, неблагоприятными ситуативными условиями, например, сильными шумовыми помехами и т. п., физиологическими причинами и пр. Цель статьи — изучить контексты молчания и выявить интенциональный потенциал этого коммуникативного явления.

Материалом послужили ситуации из художественной литературы и публицистики, имитирующие реальное речевое общение. Это не только наиболее доступный материал для исследования, но он имеет к тому же то преимущество, что автор часто сам эксплицирует иллокуцию молчания. Мы сознательно остановили свой выбор на монокультурных текстах, а именно на немецкоязычной литературе Германии, так как можно предположить, что молчание, как и другие коммуникативно-прагматические категории общения, имеет свою национально-культурную специфику. Однако исследование этого аспекта не входит в задачи данной статьи.

Известно, что в процессе своего развития общество вырабатывает особые нормы поведения, распространяющиеся и на речевое общение. Конвенциональный характер проявляется в действии правил эффективного общения (таких, как максимы Грайса или принцип вежливости Лича), в многокрасочной типологической палитре монологических текстов и диалогической речи, фиксирующей на эмическом уровне наиболее эффективные формы и способы вербальной коммуникации в повторяющихся ситуа-

циях общения. Знание о протекании ситуаций общения и нормах поведения в них, определяемое в лингвистике как коммуникативная компетенция, решающим образом влияет на коммуникативные ожидания и реакции личности.

Коммуникативно значимое молчание можно определить как отсутствие ожидаемой вербальной реакции (= пауза вместо речи). По нашему мнению, коммуникативная компетенция личности должна распространяться и на знание ситуаций молчания, так как они возникают часто как реакция на конкретный речевой акт и их прагматическая интерпретация значима для определения дальнейшей стратегии и тактики речевого общения. Следует упомянуть, что осознание молчания как прагматического антипода речи имеет глубокие и прочные корни, ср. пословицы — межкультурные синонимы «Слово — серебро, а молчание — золото», «Reden ist Silber, Schweigen ist Gold». И если речь в условиях коммуникативно-речевой ситуации ожидаема, то ее отсутствие — молчание — маркированная позиция, так как означает нарушение стандартного развития ситуации. При этом следует, по всей вероятности, ожидать всплеска когнитивной активности у «реципиента молчания», который стремится к прагматической интерпретации этого коммуникативного хода, особенно в тех случаях, когда оно не было вызвано им самим намеренно (например, в ситуации оскорбления одним коммуникантом другого и последовавшего молчания как предполагаемой реакции на оскорбление).

Если понимать интенциональность как способность содержания, выражаемого данной формой (во взаимодействии с ее окружением, то есть средой), быть одним из актуальных элементов речевого смысла [2], то нельзя не признать наличия интенциональной потенции у коммуникативно значимого молчания. В условиях конкретного коммуникативного акта интенциональная потенция воспринимается реципиентом как иллокутивная сила высказывания либо иного заменяющего его коммуникативного действия (жеста, мимики, условного знака и пр., к числу которых можно отнести и молчание).

Рассмотрим следующую ситуацию:

«Ich denke», lächelt er, «Sie wissen, wer ich bin».

«Herr Staatsanwalt?».

Sein Lächeln bleibt mir unerklärlich. Beide Hände in die Rocktaschen geschoben, irgendwie befangen — mein allererster Eindruck: Was will dieser Mann gestehen? — mustert er mich *lange* (Здесь и далее курсив наш. — Н. Ш.), vergißt sich wie in heimlichen Gedanken, die ihn betreffen, und wirkt für eine Weile wie taub, mustert mich so unverhohlen, wie Erwachsene es selten tun, und jedenfalls länger als anständig, so daß er, da es ihm bewußt wird, ein wenig errödet.

«Sie rauchen?» fragt er, und da ich ablehne, fügt er, indem er sich selbst mit einer Zigarette bedient und nach seinem Feuerzeug sucht, hinzu: «— ich komme übrigens ganz persönlich. Betrachten Sie es keineswegs als ein Verhör. Es drängte mich, Sie kennenzulernen...».

PAUSE.

«Sie rauchen wirklich nicht?» fragt er. (M. Frisch, 34).

Прокурор, допрашивающий бывшего швейцарского гражданина Штиллера, выдающего себя за американского гражданина Уайта, был знаком ранее со Штиллером и пытается заставить того признать хотя бы факт их знакомства.

Инициатором беседы выступает прокурор, утверждая, что Штиллер-Уайт его знает и, как можно предположить, ожидает подтверждения либо отрицания факта знакомства. Однако Штиллер-Уайт высказывает предположе-

ние об актуальном профессиональном статусе собеседника, что соответствует истине, но вместо ожидаемого подтверждения/отрицания истинности имеет место реакция молчания, вызывающая всплеск когнитивной активности Штиллера-Уайта с целью интерпретировать ситуативную и интенциональную значимость молчания. Интерпретация основывается на 1) распознавании релевантных факторов, 2) их соотнесении с конвенциями и 3) прагматических выводах: улыбка, неуместная при первой встрече официального лица с подследственным в тюремной камере; руки в карманах, что также неуместно в данной ситуации; продолжительное разглядывание собеседника, что противоречит нормам общения двух незнакомых друг с другом людей и воспринимается «реципиентом молчания» как не соответствующее социальным конвенциям. Заметив, что это не допрос, а частный визит, прокурор сообщает о своем желании ближе познакомиться с ним и делает паузу в разговоре, побуждая собеседника поддержать беседу, внося свой вклад какой-либо фразой в ее развитие. Однако Штиллер-Уайт отклоняет инициативу прокурора и, в свою очередь, использует это молчание в волюнтаристических целях, а именно как акт сопротивления давлению собеседника. Происходит как бы наложение и борьба двух молчаний, двух иллокуций.

Приведенный выше пример со всей очевидностью показывает, что молчание, как и любой речевой акт, имеет иллокутивную силу и оказывает определенное воздействие на реципиента. Однако можно ли считать молчание речевым актом? Ведь при этом отсутствует сама речь.

Вслед за Д. Вундерлихом, мы понимаем речевой акт (Sprechakt) как триаду: коммуникативный акт – интеракциональный акт – акт речения (sprachlicher Akt). Он является коммуникативным в том смысле, что одно лицо Г (Говорящий) пытается воздействовать на ментальное состояние одного или многих адресатов С (Слушающего/их) и, посредством этого, на существующую между Г и С социальную ситуацию [3].

РА является и интеракциональным актом, так как находится в отношении дополнения к другим РА, может иметь одновременно реактивный и иницирующий характер, то есть органично входит в структуру диалога в качестве одного из компонентов диалогического единства и продолжать заданное направление общения либо начинать новый этап коммуникации.

РА включает в себя и акт речения. При этом, как отмечает ученый, материальным носителем РА может быть не только речь, но и жесты, узелки на шнуре, дым и пр. [4]. Этим замечанием Д. Вундерлих открывает возможность для более широкой трактовки данного элемента триады как любого семиотического знака, обладающего интенциональной потенцией. В качестве такого знака может, по всей вероятности, выступать и молчание.

Хотя материальной стороной акта молчания является значимое отсутствие вербальной экспликации, по отношению к нему можно применить стандартные процедуры прагматического анализа, а именно анализ ко- и контекста, формирующего ожидаемые следствия для дальнейшей коммуникации. При прагматическом анализе учитываются:

- предшествующие высказывания;
- структура интеракции (действия);
- условия РА;
- принципы кооперации;
- максимы общения;
- знание о мире;
- знание предшествующих событий [5].

Особое значение приобретают сопутствующие речевому общению средства, поддерживающие коммуникацию или свидетельствующие о внутреннем состоянии участников общения и изменениях в нем — жесты, мимика, телодвижения, взгляд, дрожание рук, покраснение, бледность и пр.

Анализ ситуаций молчания показывает, что оно обладает очень широким интенциональным спектром. В этой статье мы предлагаем (далеко не полную и окончательную) типологию коммуникативно значимого молчания.

1. Отсутствие ожидаемой реплики может быть обусловлено внутренним эмоциональным состоянием коммуниканта и отражать состояние растерянности, замешательства, неуверенности, вызванное неожиданным развитием общения. Этот тип коммуникативно значимого молчания мы обозначаем как **хезитативное молчание**. При этом различаются а) **аффективное молчание**, свидетельствующее об эмоциональном состоянии человека, препятствующем вербальной коммуникации, и б) **аналитическое молчание**, вызванное неожиданным ходом общения и потребностью в его анализе, за ним скрывается стремление выявить интенцию адресанта или иные коммуникативно-прагматические факторы, обдумывание ответной реплики и ее прагматических последствий и др.

Ситуация: ищущий смысл жизни и пытающийся постичь справедливость молодой человек разговаривает с викарием и в ответ на утверждение, что Бог есть справедливость, рассказывает, не называя имен, историю своей матери, в течение десяти лет страдавшей от рака, перенесшей шесть тяжелых операций, потерявшей двух детей и разуверившейся в Боге.

«Wer hier erniedrigt wird, wird im Jenseits erhöht. Gott ist die ausgleichende Gerechtigkeit».

«Ich bin nicht so sicher», erwidere ich. «Ich kannte eine Frau, die zehn Jahre Krebs hatte, die sechs fürchterliche Operationen hinter sich brachte, die nie ohne Schmerzen war und die schließlich an Gott verzweifelte, als zwei ihrer Kinder starben. Sie ging nicht mehr zur Messe, zur Beichte und zur Kommunion, und nach den Regeln der Kirche starb sie im Stande der Todsünde. Nach denselben Regeln brennt sie jetzt für alle Ewigkeit in der Hölle, die der Gott der Liebe geschaffen hat. Das ist gerecht, nicht wahr?»

Bodendiek sieht eine Zeitlang in den Wein. «Ist es Ihre Mutter?» fragt er dann.

Ich starre ihn an. «Was hat das damit zu tun?»

«Es ist Ihre Mutter, nicht wahr?»

Ich schlucke. «Und wenn es meine Mutter wäre».

Er schweigt. «Es genügt eine einzige Sekunde, um sich mit Gott zu versöhnen», sagt er dann behutsam (E. M. Remarque, 100).

Первый курсив выделяет молчание как реакцию викария на саркастический вопрос молодого человека — это пауза для обдумывания дальнейшей стратегии (аналитическое молчание). Вероятно, он взвешивает варианты продолжения беседы: продолжить ли дискуссию о божественной справедливости, имея против себя такой весомый аргумент и не имея шансов повлиять на мировоззрение собеседника, либо изменить ход разговора, переведя его из абстрактно-философского в конкретно-личностный план. Последующая реплика свидетельствует о том, что решение принято, и разговор переведен в новую плоскость. Интересно то, что собеседник викария не сумел правильно интерпретировать молчание. Второй курсив — аффективное молчание: собеседник растерян, и краткое молчание в сочетании с неуместным в данной ситуации поведением, нарушающим правила приличия (глагол *anstarren* — уставиться), и последовавшей агрессивной репликой —

лучшее тому свидетельство. Третий курсив выделяет аналитическое молчание, во время которого вновь анализируется ситуация и возможные последствия предстоящего речевого поведения.

2. Молчание может использоваться с целью продемонстрировать свое отношение к мнению собеседника, оценку, выразить свое согласие/несогласие с собеседником. Этот тип мы обозначаем по аналогии с речевым актом декларативом как **декларативное молчание**.

Ситуация: мать рассказывает корреспонденту о том, что не может повлиять на решения своей дочери-подростка, ушедшей к 45-летнему мужчине, который к тому же учит ее фальсифицировать документы. Стремясь привлечь внимание дочери к необходимости закончить школу и отвлечь ее от слепого повиновения этому мужчине, она попыталась завязать разговор с дочерью:

«Janina», sagte ich leise und zog sie ein bißchen an mich heran. «Ich mache mir große Sorgen um dich. Dir läuft doch die Zeit nicht davon. Du bist so jung, laß dir Zeit. Das wichtigste ist doch, daß du in der Schule nicht den Anschluß verpaßt. Du würdest dich später nur ärgern. Und überhaupt», fügte ich mit etwas lauter Stimme hinzu, «was will ein 45jähriger mit einem Kind wie dir? Der hat bestimmt etwas anderes im Kopf!»

Ich werde nie diesen Blick von Janina vergessen. Nach dem Motto: «Hoffentlich läßt mich die Alte bald aus den Klauen!» *Doch sie sagte kein Wort.*

Sie schob ihren Stuhl zurück, ging ins Badezimmer (Mini, S. 27).

В рассматриваемой ситуации «реципиент молчания» — мать — сам интерпретирует интенциональную потенцию молчания (этим способом дочь декларирует свое пренебрежительное отношение к матери) и определяет оказанное воздействие как чувство полной растерянности «Ich ... spürte in mir eine ungeahnte Hilflosigkeit». Интересно, что с точки зрения реципиента иллокутивная сила коммуникативного действия «взгляд» отлична от такой молчания, что позволяет считать молчание самостоятельным коммуникативным действием: если взгляд дочери мать интерпретирует как «Ты мне надоела. Когда же ты отстанешь от меня?», то молчание дочери можно расценить как выражение ее, дочери, отрицательного (и окончательного) суждения о матери и нежелания продолжать общение. Любая реплика дочери в этой ситуации свидетельствовала бы о возможности продолжения разговора. Это чувствует и мать, которая в разговоре с корреспондентом употребляет усилительно-противительную частицу *doch*, разделяющую иллокуции взгляда и молчания.

Декларативное молчание имеет место и в ситуации, когда один из коммуникантов не желает продолжать разговор, не связывая это с эмоциональной оценкой собеседника. Так, детектив, расследующий преступление, обнаруживает противоречивость в ответах свидетелей и уклоняется от ответа на вопрос, заданный одним из них, тем самым как бы заявляя о своем несогласии с тактикой собеседника:

Eine Aussage war falsch. Ich ging aus dem Büro. Brumberg hatte alles Notwendige erledigt, er fragte: Was gefunden? *Ich zuckte die Schultern*, ich wollte, was ich als Widerspruch herausgefunden hatte, später mit ihm im Büro zu besprechen (Max von der Grün, 117).

3. Под **волюнтативным молчанием** мы понимаем коммуникативно значимое молчание с целью прямого воздействия на реципиента. При этом могут преследоваться различные цели:

а) **моральное воздействие:**

Родители получают анонимное письмо с репродукцией картины, на которой изображена их полуобнаженная дочь. Это приводит их в негодование, и они устраивают судилище над дочерью, преследуя ее осуждающими и презрительными взглядами и применяя тактику молчания, заставляют ее пребывать в неизвестности и страдать от этого:

Der Polizeiposten Rugbüll ließ sie zappeln, so wie er jeden zuerst zappeln ließ, er ließ sich wie immer Zeit für die Eröffnung, die Ungewißheit genießend, die er mit seinem *berechneten Schweigen* hervorrief, ja, manchmal dachte ich — oder denke wenigstens heute so —, daß sein berechnetes Schweigen schon einen Teil der Strafe darstellte, einfach weil er mit der Beschuldigung hinterm Berg hielt und keine Gelegenheit zur Verteidigung gab.

Hilke ging auf ihn zu, breitete bittend die Arme aus; *er schwieg* (S. Lenz, 384);

б) В рассмотренной выше ситуации с допросом Штиллера-Уайта имеет место использование молчания как побуждения к действиям (вербальным/ невербальным) и как

в) подчеркнутого отказа от выполнения требуемых/ожидаемых действий.

4. Анализ имеющегося материала позволяет выделить еще один тип коммуникативно значимого молчания, в основе которого лежит преклонение перед авторитетом собеседника — молчание из вежливости, почтительности вплоть до робости и малодушия. Этот тип молчания можно, на наш взгляд, обозначить как **хоноративное молчание** и проиллюстрировать следующим примером: во время ареста художника Нансена местный полицейский не отваживается говорить с ним и его друзьями без разрешения приехавших людей в кожаных пальто:

Mein Vater hielt den kleinen Mann am Ärmel fest, musterte ihn vorwurfsvoll, doch *er wagte nichts zu sagen*, weil er alles, was jetzt überhaupt gesagt werden durfte, deutlich den Ledermänteln überließ (S. Lenz, 224).

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что в условиях коммуникативно-речевой ситуации молчание используется наравне с вербальными средствами, обогащая палитру выразительных средств языка. Знание об интенциональном потенциале и способах прагматической интерпретации молчания входит в языковую когницию носителей языка и национальной культуры.

Коммуникативно значимое молчание — это полноправный коммуникативный и интеракциональный акт, имеющий свою форму выражения, однако широкий спектр его интенционального потенциала препятствует закреплению за ним статуса какого-либо отдельного речевого акта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. К проблеме интенциональности в грамматике (На материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 42.
2. Там же. С. 29.
3. Wunderlich D. Wie kommen wir zu einer Typologie der Sprechakte?// Neuphilologische Mitteilungen. 1986. № 4, LXXXVII. Helsinki. S. 498.
4. Там же. S. 498.
5. Wunderlich D. Studien zur Sprechakttheorie. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1976. S. 47.
6. Frisch, Max. Stiller. Berlin: Verlag Volk und Welt, 1976.
7. Grün, Max von der. Die Absturzstelle / Kriminalgeschichten. Frankfurt am Main, Berlin, München: Verlag Moritz Diesterweg, 1978. S. 112-131.
- Lenz, Siegfried. Deutschstunde. München: DTV, 1994.
- Mini. 1996. № 2. S. 27.
- Remarque, E. M. Der schwarze Obelisk. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1985.